

ХРУЩЕВ И ЖУКОВ ПРОТИВ АДМИРАЛА ПОБЕДЫ

Окончание. Начало на стр 6-7, 8-9

К концу войны у меня сложилось определенное мнение о Жукове как талантливом полководце. Он всю войну находился в центре самых важных событий на фронтах. Его имя часто упоминалось в Ставке и в приказах Верховного Главнокомандования. Он стал трижды Героем Советского Союза и был награжден орденом «Победа». Всякий человек обладает положительными личными качествами и недостатками, но это никогда не должно заслонять главного — того, что он сделал для своей Родины. Несколько раз, встречаясь с маршалом Жуковым в интимной обстановке в окружении друзей, я наблюдал, каким уважением он пользуется, и считал это заслуженным. Твердый голос Георгия Константиновича даже за обеденным столом при мирных тостах отличал его как волевого военачальника.

Запомнился прием у И. В. Сталина на даче после первомайского парада и демонстрации в 1945 году. Маршал Жуков тогда командовал 1-м Белорусским фронтом — ему было поручено решать главную задачу при занятии Берлина и окончании войны с фашистской Германией. Мне известно, что не без ревности отнеслись к этому другие маршалы, претендовавшие на ту же роль. Как-то в личной беседе со мной К. К. Рокоссовский в апреле 1967 года откровенно признался, что имел разговор со Сталиным по поводу того, почему его перевели на другой фронт, ведь он никогда не получал упреков за свою деятельность. Сталин будто бы ответил, что три фронта решают исход войны и все одинаково важно, но, дескать, Ставка единодушно решила: на фронт, которому поручалось занять Берлин, выбрать маршала Жукова. «При решении крупных государственных вопросов личное должно отходить на второй план», — будто бы сказал Рокоссовскому И. В. Сталин.

На упомянутом выше приеме Жукова не было, он находился в самом пекле борьбы за фашистское логово. Разговор о нем начал сам И. В. Сталин, прочитав присутствующим телеграмму Жукова о том, как ему предлагалось пойти на перемирие и как он ответил, что только безоговорочная капитуляция ответственных представителей Германии закончит войну. «Молодец!» — с явной похвалой в адрес Жукова отозвался Сталин. Мы подняли тост за победу. Это была вершина славы, заслуженной славы маршала Жукова в бытность Сталина.

Дважды я виделся с Георгием Константиновичем во время Потсдамской конференции в июле 1945 года, когда мы встречали поезд с нашим руководством на вокзале.

Мои личные отношения с Жуковым в это время были хорошими. Я слышал от него пренебрежительные замечания в адрес флота, но не придавал этому значения. Деловых связей было мало, а к подобного рода критическим отзывам я как моряк привык.

После войны он был назначен в Москву. И. В. Сталин еще оставался наркомом обороны, а Жуков его заместителем. Фактически же все текущие дела находились в руках Н. А. Булганина.

Вскоре с Жуковым произошла первая неприязнь из целой серии служебных неудач. Однажды в зале заседаний Кремля собрались члены Политбюро и маршалы. Выступил И. В. Сталин и объявил, что Жуков, по полученным им данным, ведет разговоры о якобы незначительной роли Ставки во всех крупных операциях. Он показал телеграмму, на основании которой делались такие выводы, и, обращаясь к членам Политбюро, сказал: «Вы знаете, как возникали идеи различных операций». Дальше он пояснил, как это бывало. Идея рождалась в Ставке или предлагалась Генеральным штабом. Затем вызывался будущий командующий операцией, который, не принимая пока никакого решения, вникал в суть идеи. После этого ему предлагалось тщательно продумать и (не делая пока ни с кем) доложить (через неделю — две) Ставке свое мнение. Ставка же разбиралась в деталях и утверждала план будущей операции. С планом операции знакомился узкий круг лиц, и начиналась разработка документов фронта. Жуков присутствовал, но не опроверг сказанного.

Все считали своим долгом высказать на этом необычном совещании свое мнение с осуждением Жукова. Одни говорили резко и не совсем справедливо, а большинство — осторожно, но в том же духе. Я решил не высказывать своего мнения и оказался единственным «молчаливым», хотя такое поведение могло быть расценено руководством отрицательно. Поступил я так потому, что не знал существа дела, а обвинять Жукова со слов других не хотел. Несколько месяцев спустя, когда Жуков был у меня на даче, он с благодарностью отметил мое «объективное» поведение. К сожалению, как потом увидим, совсем по-иному поступил сам Георгий Константинович, когда ему надо было либо заступиться за меня без всякой «натяжки», либо встать по сторону Н. С. Хрущева, с которым у меня сложились явно неприязненные отношения. Тогда Г. К. Жуков предпочел фактам добрые отношения с Хрущевым. Правда, несколькими годами позже куда более коварно поступил с Жуковым и его старый друг Хрущев. Но это уже выходит за рамки моей темы.

В 1953 году Г. К. Жуков был назначен в Москву на должность первого заместителя министра обороны. Произошло это немедленно после смерти И. В. Сталина и по прямому указанию Хрущева. Я же двумя годами раньше — в 1951 году — был возвращен на работу в Москву как Военно-Морской министр. Наши пути с Г. К. Жуковым сошлись. Я как министр не был ему подчинен, но ряд вопросов должен был согласовывать с ним. Дело шло туго — он занимал антифлотскую позицию в деле строительства кораблей и этого не скрывал.

Наши отношения с ним стали поистине драматическими, когда он в феврале 1955 года был назначен министром обороны и получил «карт-бланш» от Н. С. Хрущева. Вся накопившаяся к Сталину неприязнь, как распрямляющаяся пружина, чувствовалась в эти дни во всем поведении Жукова. Он как бы стремился наверстать потерянное время и славу.

С чего началось? За несколько дней до утверждения Г. К. Жукова министром обороны мы с маршалом А. М. Василевским сидели на расширенном Пленуме ЦК в Большом Кремлевском дворце. Из президиума одновременно получили записки тогдашнего министра обороны Н. А. Булганина одного содержания: «Прошу зайти ко мне в кабинет в 13 ч. 15 м.». Прочитали и спросили друг друга, пока не зная ничего: «По какому поводу нас приглашают в кабинет министра?» Принимал нас Н. А. Булганин по очереди: сначала А. М. Василевского, потом меня. От имени Президиума ЦК он информировал нас о принятом предварительном решении освободить Г. М. Маленкова с поста Председателя и вместо него назначить Н. А. Булганина. На пост же министра обороны уже был назначен Жуков, и теперь спрашивали мнение маршалов, одобряют ли они кандидатуру. Мне потом стало известно, когда я постфактум случайно коснулся этого вопроса в беседе с К. К. Рокоссовским, что некоторые высказывались за Василевского (в частности, В. Д. Соколовский), некоторые — за Жукова. На вопрос Булганина я ответил просто: «Товарищ министр, мы, моряки, не претендуем на такой общевоинской пост, и кого из Маршалов Советского Союза сочтут нужным назначить министром, я не берусь даже высказывать свое мнение. Однако если будет назначен Жуков, то мне казалось бы правильным указать ему на необходимость впредь более объективно относиться к флоту». Такое опасение с моей стороны было не случайным. За последнее время я слышал ряд весьма нелицеподобных отзывов со стороны Жукова в адрес флота, к тому же ни на чем не основанных и подчас просто неправильных с точки зрения государственных интересов обороны. Мне казалось, что если сочтут нужным, то ему сделают такое замечание без ссылки на мою фамилию. Этого требовали интересы дела. Ведь разговор был конфиденциальным, как заявил Булганин. Я ему откровенно и высказал свое мнение. Оказалось, что оно было передано Жукову так, что «Кузнецов возражает против его назначения». При самолюбии Жукова и той опоре, которую он чувствовал, будучи другом Н. С. Хрущева, можно было догадаться, к чему это приведет.

Я был выставлен перед Жуковым как его противник. Его желание расправиться со мной за «непочитание старших» вскоре почувствовалось буквально во всех отношениях.

Так, я несколько раз предлагал маршалу Жукову найти время и выслушать меня в течение нескольких часов о состоянии флота. Я серьезно подготовился к этому и с картами надеялся

доложить и разъяснить все, что ему будет непонятно. Он долго оттягивал мой доклад, наконец согласился и назначил время; я подобрал все материалы в двух экземплярах, один специально для него, набрал с собой для наглядности карт, чтобы более популярно излагать все вопросы. Но как только было мое огорчение и разочарование, когда через 15 минут после начала моего доклада он беззастенчиво начал зевать. Несмотря на это, я, сдерживая свое негодование, продолжал докладывать.

У него не хватило терпения, и через полчаса он прервал меня, попросив оставить весь материал в Генштабе с тем, чтобы потом «детально» познакомиться с ним. Что можно придумать еще более оскорбительного и грубого министру в отношении своего первого заместителя и Главнокомандующего Военно-Морским Флотом, чем такое, явно пренебрежительное, отношение к его докладу с званием во весь рот?

Тяжелая служебная обстановка обернулась для меня болезнью. Я перенес инфаркт. Доктора предписали ограниченную продолжительность работы. Обдумав и учтя все равно не клеившиеся (без просвета) отношения

с Жуковым, я сам обратился к нему с просьбой «освободить меня» с поста заместителя министра обороны и использовать на меньшей работе. Это было расценено как мое нежелание работать с Жуковым. Какая-то доля правды в этом есть. Руководствуясь не личными мотивами, я считал нежелательным и вредным для дела наше сотрудничество, после того как маршал Жуков без обиняков заявил мне, что он не оставит «без последствий» мои сомнения по поводу его назначения на высокий пост. Но главное заключалось не в этом. Личное положение моего министра к тому времени уже не так интересовало. Излишним честолюбием я никогда не страдал, а, пробыв довольно длительное время на посту наркома и министра ВМФ, готов был удовлетвориться более скромным участком работы. Важнее было то, что мои неприязненные отношения с министром обороны неизбежно сказывались бы на деле. Ответа я не получил.

За все время болезни никто из вышестоящих начальников не поинтересовался моим здоровьем, и только после моего рапорта Жуков позвонил на дачу и в разговоре с женой посоветовал не обращать внимания на то, что говорят врачи. Разумному совету своего министра я, к сожалению, последовать не мог, так как едва ходил и мое сердце часто давало перебои.

Через несколько дней, видимо, посоветовавшись с кем-то, Жуков предложил мне назвать кандидата на должность первого заместителя Главкома ВМФ, который мог бы длительное время оставаться за меня. Я назвал С. Г. Горшкова, тогдашнего командующего Черноморским флотом, который и был Жуковым назначен.

Я чувствовал существующую ко мне неприязнь как со стороны Хрущева, так и со стороны Жукова. Боюсь утверждать, кто из них был инициатором, но в любом случае суждения обо мне у них были основаны либо на мнении других, либо на личной неприязни. Ни с Хрущевым, ни с Жуковым я не имел удовольствия ни разу беседовать и обмениваться серьезными взглядами по вопросам флота. Значит, они не могли обстоятельно знать мою точку зрения по кругу моих обязанностей. Но я имел все основания предполагать, что «судьба моя уже решена». Обнаружилось это в начале октября 1955 года.

Находясь на отдыхе в Ялте, я, узнав о совещании флотских руководителей в Севастополе, поехал туда. «Крещенским холодом» встретил меня Хрущев, а за ним и Жуков. «Быть грозе», — подумал я. Она вскоре разразилась. На первом же заседании Хрущев бросил в мой адрес какие-то нелепые обвинения с присущей ему грубостью. Я понял: ему важно было общенародно высказать свою точку зрения. После совещания я просил принять меня. Мне было отказано. Да и что он мог бы сказать мне прямо в глаза? Возмущало лишь его злоупотребление властью. Я еще формально был Главкомом ВМФ, и он не имел права распоряжаться государственными делами, как в своей вотчине.

Таким образом, фактический мой уход или, вернее, отстранение от должности состоялось в первой половине октября без объяснения причин, и, когда я еще не успел пережить это, во второй половине октября произошло крупное несчастье — в Севастополе, стоя на бочке, подорвался, а потом и затонул, перевернувшись, линейный корабль «Новороссийск».

Я понимал, что мне предстоит новая работа, считал правильным, что к руководству флотом должны прийти новые люди, но не ожидал, что на меня свалится такое несчастье.

На месте уже работала правительственная комиссия. Я формально в нее не входил и присутствовал в ходе расследования как наблюдатель. Председателем был В. А. Малышев, тогдашний зампредсовмина. От Военно-Морского Флота в комиссию входил С. Г. Горшков, который уже в течение нескольких лет являлся командующим Черноморским флотом, а в последние месяцы — фактическим Главнокомандующим ВМФ.

Я ознакомился с обстоятельствами катастрофы. Почти в полночь, когда команда линкора спала, произошел сильный взрыв под килем корабля. По тревоге прибыл командующий флотом. После некоторой растерянности, как докладывал комфлот, у него сложилось впечатление, что личный состав полностью контролирует положение. Корабль находится почти на ровном киле. Комфлот и его окружение настолько успокоились, что даже отправились пить чай. Но самое страшное, оказывается, было впереди.

Накопившаяся вода в какой-то момент прорвала переборки и, распространяясь по кораблю, резко и быстро увеличила крен на правый борт. А когда этот крен достиг известного градуса, то уже никакие силы не смогли удержать корабль на плаву и он стал быстро переверачиваться. Личный состав старался удержаться на борту и на верхней палубе. Это усугубило положение — возникла паника, которая унесла множество человеческих жизней.

Если взрыв под кораблем никто не мог предвидеть и тут нельзя усмотреть чьей-то халатности, то потеря людей и корабля после прибытия командующего флотом — явление из ряда вон выходящее и непростительное.

До сих пор для меня остается загадкой: как могла остаться и сработать старая немецкая мина, взорваться обязательно ночью и в таком самом уязвимом для корабля месте? Уж слишком невероятное стечение обстоятельств. Что же тогда могло произойти? Диверсия? Да, диверсия. «Новороссийск» — трофейный итальянский корабль, а итальянцы — специалисты в такого рода делах. В годы войны они подрывали английские корабли в Александрии, техника позволяла это делать и сейчас. Пробраться в Севастопольскую бухту трудностей не представляло. Ведь мирное время, город открытый. К тому же патриотические чувства итальянских моряков могли толкнуть их на это. Значит, ничего невозможного здесь нет. Ну а как доказать? И доказательств нет! Обычно подобные факты становятся достоянием всего мира спустя много лет. А в данном случае никакие сведения еще не просочились. Во всяком случае, до меня не доходили.

Сначала я был освобожден. Этого показалось мало и меня уволили из Вооруженных Сил, снизив в звании.

Конечно, взрыв на линкоре «Новороссийск» явился только поводом для расправы со мной. А в чем заключаются истинные причины? Этот вопрос сложный и требует серьезного анализа.

Я не особенно был удивлен (но возмущен!) тем, что вопреки всякой логике, когда у бывшего комфлота С. Г. Горшкова погиб «Новороссийск», меня за это наказали, а его повысили. Удивлен тем, что никто не захотел потом разобраться в этом или даже просто вызвать меня и поговорить. Больше всего я удивлен и даже возмущен тем, что Горшков подписал вместе с Жуковым документ, в котором оклеветаны флот в целом и я.

Приблизился XX съезд партии. Еще накануне его открытия я присутствовал на Пленуме ЦК КПСС и по обыкновению (как член ЦК) получил на него приглашительный билет. В конце первого дня заседания съезда в раздевалке к моему адъютанту подошел И. А. Серов (телохранитель Хрущева) и громко, с расчетом, чтобы слышал и я, произнес: «А вы что тут делаете?». Понимая, что это сказано не по его личной инициативе, я решил больше на заседания не ходить. С трибуны же съезда Хрущев разоблачал в те памятные дни «культ личности» Сталина.

Вечером позвонил Горшкову и спросил, нет ли каких-либо решений относительно меня. Как потом оказалось, Жуков уже послал в правительство доклад с вымышленными фактами. Об этом Горшкову, конечно, было известно, но, якобы не зная, в чем дело, он уклончиво посоветовал мне обратиться к Жукову.

События опередили меня. В тот же вечер я получил приказание «Явиться к министру ровно в 9 часов утра».

Вот я и подошел к своей последней официальной встрече с Г. К. Жуковым. 15 февраля 1956 года в течение пяти — семи минут в исключительно грубой форме мне было объявлено о решении снизить меня в воинском звании и уволить из армии без права на восстановление. На мой вопрос, на основании чего это сделано, к тому же без моего вызова, Жуков, усмехнувшись, ответил, что это, дескать, совсем не обязательно.

Лишь значительно позднее я узнал от А. М. Василевского, что решение принималось по записке Жукова. Что он написал, я не ведаю до сих пор.